

Сумерки. Снег. Тишина. Весьма тихо. Аполлон вернулся на Демос. Сумерки, снег, наконец, сама тишина — избавит меня, надеюсь, от необходимости — прости за дерзость — объяснять самый факт письма.

Праздники кончились — я не дам соврать своим рифмам. Остатки влаги замерзают. Небо белей бумаги розовеет на западе, словно там складывают смятые флаги, разбирают лозунги по складам.

Эти строчки, в твои персты попав (когда все в них уразумеешь ты), побелеют, поскольку ты на слово и на глаз не веришь. И ты настолько порозовеешь, насколько побелеют листы.

В общем, в словах моих новизны хватит, чтоб не скучать сороке. Пестроту июля, зелень весны осень превращает в черные строки, и зима читает ее упреки и зачитывает до белизны.

Вот и метель, как в лесу игла, гудит. От Бога и до порога бело. Ни запятой, ни слога. И это значит: ты все прочла. Страхивать хлопья опасно, строго говоря, с твоего чела.

Нету — письма. Только крик сорок, не понимающих дела почты.

Но белизна вообще залог
того, что под ней хоронится то, что
превратится впоследствии в почки, в точки,
в буйство зелени, в буквы строк.

Пусть не бессмертие — пережной
вберет меня. Разница только в поле
сих существительных. В нем тем боле
нет преимущества передо мной.
Радуюсь, встретив сороку в поле,
как завидевший берег Ной.

Так утешает язык певца,
превосходя самое природу,
свои окончания без конца
по падежу, по числу, по роду
меняя, Бог знает кому в угоду,
глядя в воду глазами пловца.

1966